

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 331–053.2:94(420).08

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТАМ НА АНГЛИЙСКИХ ФАБРИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (по материалам отчетов и воспоминаний современников)

Е. С. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

Данная статья ставит своей целью проанализировать и установить на основе отчетов парламентских комиссий и воспоминаний рабочих, каково было отношение к детям – рабочим на промышленных предприятиях Англии первой половины XIX века. Автор приходит к выводу, что к детям применялись телесные наказания. В одном случае они стимулировали работу детей, в другом – носили садистский характер, принося удовольствие тем, кто наносил побои.

Ключевые слова: детский труд, жестокое обращение с детьми, прядильщики, надсмотрщики, мастера, промышленная революция, парламентская комиссия.

**Attitude towards Children in the English Factories in the First Half of the XIX Century
(Based on Reports and Memories of Contemporaries)**

E. S. Demchenko

Annotation: In this article author tries to review and set on the basis of reports of parliamentary committees and workers memories, what was the attitude towards children working in the industry in England the first half of the XIX century. The author comes to the conclusion that the children were corporeal punished. In one case, they stimulate the work of children in the other – carrying a sadistic character, brought pleasure to those who struck the victim.

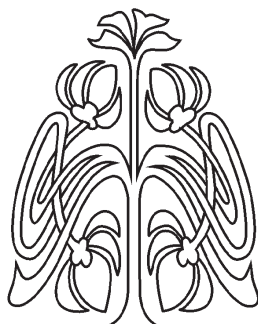
Key words: child labor, child maltreatment, spinners, overseers, foremen, industrial revolution, parliamentary commission.

Промышленная революция, которая в Англии началась раньше, чем в странах континентальной Европы, поставила перед обществом множество вопросов, например: как удешевить производство? где взять рабочие руки? и многие другие.

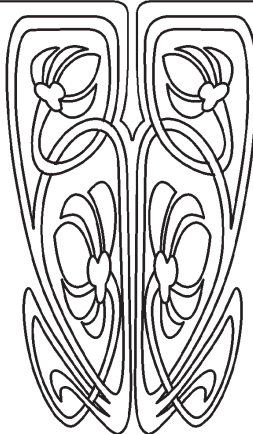
Применение детского труда в английской промышленности было одним из способов удешевления производства. Среди первых, кто в начале XIX в. указал на детский труд как идеальный способ сэкономить в условиях быстро развивающегося фабричного производства, был Уильям Питт. В конце XVIII в. он писал: «опыт уже показал, что труд детей может дать выгоду, которую можно найти в раннем употреблении их на работу, с которой они могут справиться»¹. Спустя полвека известный публицист и сторонник использования детского труда Уильям Кук-Тейлор по этому же поводу отмечал, что: «детский труд – национальное благоденствие и абсолютно необходим для облегчения различных фискальных обременений, которые упали на долю индустрии страны»².

Цель данной статьи – установить на основе отчетов парламентских комиссий и воспоминаний рабочих, как обращались с детьми на промышленных предприятиях, имело ли место насилие и в чем оно выражалось.

Дети в качестве рабочей силы привлекались почти повсеместно. Они действительно воспринимались как «благоденствие», ведь на

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

них можно было экономить – платить за работу самую низкую заработную плату. Велика была доля детского труда в текстильной промышленности, особенно в шелкопрядении, где маленькие детские руки могли связывать разорванные нити, чистить машины и выполнять прочую тонкую работу. Поэтому первые фабричные законы касались именно детского труда в легкой промышленности. Детский и подростковый труд использовался также в тяжелой промышленности, более всего в горнодобывающей, где дети толкали тележки с углем в узких шахтах, следили за вентиляцией, открывая и закрывая заслонки в шахтах.

К. Маркс по поводу детской занятости в промышленности писал: «Поскольку, машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом, это мощное средство замещения труда рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи»³.

В Средние века в рамках домашнего ремесла детский труд позволял передавать секреты мастерства из поколения в поколение. Многие мыслители и историки как в XIX в., так и в настоящее время считали и продолжают считать, что подобный труд носил более щадящий характер, по сравнению с тем, каким он стал на фабриках в Новое время, ведь дети в домашних мастерских имели время для отдыха, а также параллельно учились вести домашнее хозяйство⁴.

С началом промышленной революции труд ребенка приобрел иной характер. Подталкиваемые нуждой в изменившейся экономической ситуации⁵, родители вынуждены были отдавать детей работать на фабрику, где в тяжелых условиях им приходилось работать по 12–15 часов в день в тесных и душных помещениях, с плохой едой и отсутствием отдыха.

Еще до принятия официального парламентского акта 1833 г.⁶, который вводил обязательный парламентский контроль над деятельностью владельцев фабрик в сфере эксплуатации детей, по инициативе М. Т. Садлера была создана парламентская комиссия (в некоторых источниках она фигурирует как комитет).

Майкл Томас Садлер был филантропом, членом парламента и возглавлял в палате общин движение за 10-часовой рабочий день для лиц моложе 18 лет. М. Т. Садлер полностью разделял идеи Ричарда Остлера, радикала из партии тори,

который не только критиковал фабричную систему с ее полным контролем над процессом труда, но и резко осуждал закон о бедных 1834 г. с его работными домами, в которых были невыносимые условия.

Вдохновленный идеями Р. Остлера, М. Т. Садлер внес на рассмотрение проект закона об очередной фабричной реформе, а затем выступил в качестве председателя комитета, которому был передан законопроект на рассмотрение.

Данный комитет состоял из 15 человек, 5 из которых имели медицинское образование. Центральный комитет, который находился в Лондоне, состоял из 3 человек, 1 из них должен был быть практикующим врачом. Они составляли инструкции для региональных представителей. Помимо этого, центральный комитет формировал общий отчет на базе тех отчетов, которые присылали из инспектируемых районов⁷.

Было определено 4 района в соответствии с тем, как распределялись отрасли промышленного производства, в которых хоть в какой-то мере использовался труд детей – северный, северо-восточный, район Ланкашира и западный. В каждый из этих 4 районов было направлено по 3 представителя – 2 чиновника и 1 медик⁸. Первые отчеты о тех наблюдениях, которые делали инспекторы, стали издаваться с 1833 г.

Главной целью данных инспекций было показать с помощью публикуемых отчетов, как на самом деле обстоят дела на фабриках, ведь не все знали о том, что творится внутри фабрик, а те, кто знал, иногда излишне идеализировали обстановку. Даже филантропы до второй четверти XIX в. больше сочувствовали положению негров-рабов на далеких плантациях Северной Америки, чем положению детей, работающих на фабриках в Англии⁹.

Каково же было положение детей на фабриках? Применялось ли к детям физическое насилие? Для начала обратимся к самому понятию физического насилия над ребенком. Это преднамеренное нанесение взрослым ребёнку побоев, травм, повреждений, увечий. Признаками физического насилия являются синяки, царапины, рубцы, ожоги, ссадины, раны, переломы, а также грубое обращение, которое может привести к увечьям. Часто граница между телесными наказаниями и физическим насилием размыта. Культурные нормы, определяющие физическое насилие, сильно разнятся. Как среди специалистов, так и внутри самого общества нет единого мнения о том, какие именно действия считать физическим насилием¹⁰.

Сложно понять, что же считалось жестоким обращением с детьми в английском обществе первой половины XIX в. Скорее всего, родительские телесные наказания за какие-либо провинности или плохо выполненную работу были в порядке вещей и не считались насилием. А вот, по-видимому, если телесные наказания начинали применять посторонние люди (к ним можно от-

нести надсмотрщиков и взрослых рабочих), то это уже можно назвать физическим насилием. Но здесь встает другой вопрос: применялись ли эти наказания для стимуляции работы детей или же потому, что надсмотрщикам это доставляло удовольствие?

Поэтому в обязанности инспекторов входило не только наблюдение за исполнением законов, но и опрос работников тех фабрик, которые они посещали, чтобы выяснить, как обращались с детьми на конкретных предприятиях.

Самюэль Коулсон, рабочий фабрики, которую инспектировал доктор Хавкинс в 1833 г., рассказал: «Их (детей) били прядильщики, или надсмотрщики, или даже сами родители, когда они плохо работали»¹¹. В данной ситуации можно сказать, что к детям применялись телесные наказания за плохо сделанную работу. Из дальнейшего рассказа можно выяснить, что детей били также из-за того, что те к концу рабочего дня уставали и начинали работать медленнее, становились менее внимательными. Чтобы держать детей в «тонусе», надсмотрщики активно применяли ремень. Продолжая свои свидетельские показания, Коулсон признался, что «так как дети очень уставали, ремень применялся очень часто»¹². Из его свидетельских показаний можно сделать вывод, что применение ремня увеличивало производительность труда и уменьшало количество несчастных случаев среди детей на фабриках, потому что периодические удары ремнем или плеткой вынуждали детей быть внимательными. Поэтому данные факты и не считались актами жестокого обращения, ведь они были направлены на сохранение жизни ребенка, хотя данные методы выбиваются из рамок современной морали, но, вероятно, они вполне вписывались в мораль XIX в.

Интересный материал встречается в отчете по Ланкаширу. На вопрос об отношении к детям в свидетельских показаниях рабочего, полученных в ходе инспекции доктором Лаудоном в 1835 г., отмечено: «надсмотрщик не бьет детей, ничего с ними не делает, ведь он их не нанимает. Детей бьют регулярно – да, но делают это прядильщики. Они иногда бьют не очень сильно, но делают это всегда, когда дети делают что-то не так, но бьют без излишеств. Происходит это без ведома мастера – они не разрешают телесные наказания»¹³. Естественно, что Лаудон немедленно решил провести расследование данных случаев, узнать больше об аналогичных происшествиях от других рабочих и надзирателей. В ходе этого расследования вновь опрашиваемые отвечали, что, на самом деле, телесные наказания применяются вовсе не повсеместно, а лишь иногда. Прядильщики боятся наказания со стороны надсмотрщика за ошибки, совершенные детьми: «эти единичные случаи дурного обращения действительно существуют и это бесспорная правда, и они будут возникать до тех пор, пока существует человек, так как у него есть характер, но они действительно очень редки»¹⁴.

Разговор, происходивший наедине между инспектором и рабочим, был более откровенным. Рабочий, которого заверили, что сказанная им информация не дойдет до владельца фабрики, говорил более откровенно, ведь зачастую на фабриках работали их собственные дети, которым и наносились побои, чем они и были озабочены. Но если дело получало огласку, то рабочие переставали быть столь смелыми и откровенными, даже если дело касалось их семей. Это и понятно, ведь они боялись потерять работу, что в первой половине XIX в. было почти равносильно голодной смерти, поэтому они всячески старались сгладить картину происходившего на фабриках.

В других документах первой половины XIX в. можно найти более откровенные сведения. В них делается акцент на то, что именно надсмотрщики жестоко обращались с детьми, и что такое обращение было повсеместной и неотъемлемой частью рабочего процесса. Надсмотрщики получали жалование в зависимости от объема произведенной продукции, поэтому стремились интенсифицировать труд, а идентификация труда, как уже отмечалось выше, достигалась путем применения ремня. Так, в воспоминаниях Роберта Блинко о своих детских годах мы находим сведения о том, как относился к нему и к другим детям надсмотрщик на фабрике, на которой он работал: «Роберт Вудворд изобрел остроумные пытки – подвешивать детей за кисти рук над двигающейся взад-вперед машиной, заставляя тем самым поджимать ноги»¹⁵. А вот что Блинко рассказывает о том, что с ним происходило несколькими годами ранее на другой фабрике: «Здесь (в Лоудгеме близ Ньюкэстля) довольствовались одной плеткой, правда, ее пускали в ход с утра до ночи не только для исправления учеников при самой малой провинности, но и для того чтобы подстегивать их к работе, чтобы поддерживать их в бодрственном состоянии, когда усталость клонила их ко сну»¹⁶.

Разница между двумя воспоминаниями Блинко в мотивах. В первом случае складывается впечатление, что мастер-надсмотрщик получает удовольствие от того, как он обращается с детьми. Данные садистские методы обращения с детьми и называются жестоким обращением и не имеют ничего общего с повышением производительности труда среди малолетних рабочих. А во втором случае мы имеем дело с надсмотрщиком, который телесными наказаниями не давал останавливаться работе. Но вряд ли это может послужить оправданием, ведь по сути своей и то и другое является фактом физического насилия над ребенком, для которого работа на фабрике и так была огромным испытанием.

О том, что происходило на фабрике в Дерби, мы узнаем из воспоминаний Вильяма Геттона, работавшего там, которые опубликованы в книге Уильяма Хаттона «История Дерби»: «именно в этом любопытном, но страшном заведении я провел семь лет моего ученичества, которые я всегда

считаю самыми несчастными в моей жизни <...> какими бы высокими не были машины, я все-таки был слишком мал ростом, чтобы доставать до них. Чтобы помочь беде, сделали мне пару высоких деревянных башмаков, которые мне подвязывали к ногам, и я волочил их на себе, пока не подрос, как следует. Но мое пленение и труд были ничто в сравнении с невыносимой грубостью обращения, слезы и раны, которые я до сих пор храню на себе»¹⁷.

Порядки на фабрике в Литтоне почти ничем не отличались. Только здесь уже сам хозяин фабрики, некий Эллайс Нидгем, бил детей кулаками, ногами, хлестал их кнутом¹⁸.

В отчете Л. Хорнера мы не встречаем сведений о жестоком обращении с детьми. В своем отчете за 1834 г. он с гордостью заявляет, что случаев физического насилия над детьми не зафиксировано: «я рад заявить о том, что ко мне не поступило ни одной жалобы как от мастеров на детей, так и наоборот. Также я сам не видел ни одного примера дурного обращения с детьми или обращения, которое бы вело к проблемам со здоровьем»¹⁹.

Этот же факт отсутствия дурного обращения с детьми подтверждает один из рабочих в своем письме: «Я приехал сюда (Магбридж) со своей семьей – у меня пятеро детей. <...> Я знаю, что говорят о том, как плохо обращаются с детьми на фабрике, что с ними жестоко обращаются. <...> Я могу сказать, что это неправда»²⁰. Данные показания рабочего едва ли можно считать объективными и правдивыми. Не стоит забывать о том страхе потери работы, который был присущ всем рабочим. Хотя нельзя заявлять с безоговорочной точностью, что жестокое обращение с детьми было повсеместным.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, несомненным фактом является то, что жестокое обращение с детьми имело место. Другое дело, какими мотивами руководствовались те, кто применял наказания. В одном случае – это была стимуляция работы для увеличения производительности труда, а также сокращение несчастных случаев на производстве посредством применения ремня. В другом случае – садистские наклонности надсмотрщика или рабочего, получающего удовольствие от жестокого обращения с детьми-рабочими.

Эти меры, которые применялись по отношению к детям, были призваны не только улучшить работу детей, но и вселить в них страх. Видимо, по мнению надсмотрщиков и мастеров, только так от детей можно было добиться наилучшего результата.

Во-вторых, сложно сказать, опираясь на данные источники, был ли факт жестокого обращения с детьми распространен повсеместно, или это касалось лишь некоторых областей, некоторых фабрик. Воспоминания не позволяют нам дать совершенно точное заключение на этот счет. Да и отчеты парламентской комиссии дают очень

противоречивые данные: в одном случае отмечается, что жестокое обращение распространено не повсеместно, в другом случае инспектор вообще не нашел никаких свидетельств существования физических наказаний.

Но все же даже на основе приведенных фактов нельзя отрицать того, что телесные наказания не имели места. В одном случае они стимулировали работу детей, в другом – носили садистский характер, принося удовольствие тем, кто наносил побои.

Примечания

- ¹ The speeches of right honorable Pitt W. Vol. II. L., 1815. P. 371.
- ² Cook-Taylor R. W. The hand book of silk, cotton, and woolen manufactures. L., 1843. P. 67.
- ³ Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Партиздат, 1936. С. 321.
- ⁴ См.: Baines E. History of the cotton manufacture in the Great Britain. L., 1815 ; Gibbins H. de B. The industrial history of England. L., 1865 ; Hutchins B. H., Harrison A. A history of Factory Legislation. L., 1966 ; Owen R. Observation on the effect of the manufacturing system. L., 1817 ; Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. М.; Л., 1931 ; Манту П. Промышленная революция XVIII века в Англии. М., 1937.
- ⁵ См.: Gibbins H. de B. Op. cit. ; Toynbee A. Lectures on The Industrial Revolution in England. L., 1884 ; История Европы : в VIII т. Т. 4–5. М., 1994–2000 ; Кертман Л. Е. География, история и культура Англии : учеб. пособие. М., 1979 ; Маркс К. Капитал. Т. 1 ; Ерофеев Н. А. Промышленная революция в Англии : пособие для учителя. М., 1968.
- ⁶ The Factory Acts. Comprising the statutes. L., 1855. P. 9–32.
- ⁷ Grey K. H. Factory question considered in relation to it's effects on the health and morals of those employed on factories. L., 1837. P. 28.
- ⁸ London and Westminster Review. P. 108.
- ⁹ Gibbins H. de B. Op. cit. P. 288.
- ¹⁰ Всемирная организация здравоохранения. Жестокое обращение с детьми. Информ. бюл. № 150. Август 2010 г. URL: www.who.int/mediacentre/factsheets/fs150/ru/index.html (дата обращения : 11.03.2013).
- ¹¹ The factory system and factory statistics // The medico-chirurgical medicine journal of practical medicine. L., 1837. Vol. 26. P. 28.
- ¹² Factory Report. Sup. Rep. D. 2. 1835. P. 3.
- ¹³ Ibid. P. 4.
- ¹⁴ Ibid. P. 5.
- ¹⁵ Brown J. Memoir of Robert Blincoe // The Lion. 1828. P. 156.
- ¹⁶ Ibid. P. 120.
- ¹⁷ Hutton W. History of Derby. P. 160.
- ¹⁸ Манту П. Указ. соч. С. 303.
- ¹⁹ Report L. Horner, Esq. 1834. 21 July. P. 11.
- ²⁰ Poor Law Report for 1836. Muggridge Migration. Extract from John Brett's letter.